

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-6>

УДК 316.485.6

Attribution

cc by

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ВОЗРАСТНОГО НЕРАВЕНСТВА:
ЭЙДЖИСТСКИЙ АСПЕКТ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН**

Лушников Д.А.¹, Долгополов К.А.², Кузнецова О.Н.³

Северо-Кавказский федеральный университет^{1,2,3}

<https://orcid.org/0000-0003-0352-4662>¹, <https://orcid.org/0000-0003-4496-1789>², <https://orcid.org/0009-0007-6949-8491>³

Аннотация. Политическое конструирование возрастного неравенства является одним из методов целенаправленного негативного информационно-пропагандистского воздействия и информационно-психологического давления и входит в арсенал нового вида военных действий в киберпространстве – информационной войны. Технологическое использование эйджизма в информационных войнах предполагает его описание в гиперболическом образе с использованием негативной лексики, «языка вражды». Молодежь и пожилые люди противопоставляются друг другу как социальные общности, имеющие различающиеся интересы и преследующие противоположные цели. Конструирование политического эйджизма обнаруживает два основных вида: 1) «конструирование политической старости»; 2) «конструирование политической молодости». «Конструирование политической старости» вербализует и визуализирует власть как бюрократизированную и оторвавшуюся от реальности «власть стариков», которой противопоставляется молодежь как сила развития, обновления общества, политических изменений.

Ключевые слова: возрастное неравенство, возрастная дискриминация, стигматизация, стереотипизация, эйджизм, конструирование возраста, информационная война, конструирование политической старости.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 1023112800142-3-5.4.1. «Технологии противодействия информационным войнам в молодежной среде» (FSRN-2024-0009).

Original article

**THE POLITICAL CONSTRUCTION OF AGE INEQUALITY:
THE AGEIST ASPECT OF INFORMATION WARFARE**

Dmitry A. Lushnikov, Kirill A. Dolgoplov, Oksana N. Kuznetsova

North Caucasus Federal University

Abstract. The political construction of age inequality is one of the methods of targeted negative information and propaganda influence and information and psychological pressure and is part of the arsenal of a new type of military action in cyberspace - information warfare. The technological use of ageism in information warfare involves describing it in a hyperbolic way using negative vocabulary, «hate speech». Youth and the elderly are opposed to each other as social communities with differing interests and pursuing opposite goals. The construction of political ageism reveals two main types: 1) «constructing a political old age»; 2) «constructing a political youth». The «construction of political old age» verbalizes and visualizes power as a bureaucratic and detached from reality «power of the elderly», which is opposed by youth as a force for development, social renewal, and political change.

Keywords: age inequality, age discrimination, stigmatization, stereotyping, ageism, the construction of age, information warfare, the construction of political old age.

Funding: The research was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 1023112800142-3-5.4.1. "Technologies for countering information warfare among young people" (FSRN-2024-0009).

Введение.

Возрастное измерение социального неравенства существовало на всем протяжении истории человечества, принимая различные формы и из-

меняясь сообразно развитию общества и изменениям социальной структуры. Эйджизм или дискриминация по возрастному признаку имеет два своих естественных проявления: дискриминация более молодыми категориями более возрастных и

наоборот – притеснение молодежи, ограничение возможностей и жизненных шансов ее представителей со стороны возрастных носителей статусов и бенефициаров позиций в социальной структуре и стратификации общества.

Проявления данных отношений весьма разнообразны и наблюдаемы в разные исторические эпохи и периоды жизни конкретного общества, при этом в одном случае они могут вызываться демографическим ростом при ограниченном для растущей молодежи рынке труда, а в другом случае, наоборот – депопуляцией, старением общества и кадровым голодом. То есть, это явление фоновое для социального развития, но с тенденциями обострения в определенных условиях.

Впервые термин «эйджизм» был использован в 1969 году американским психиатром и геронтологом Р. Батлером [1] относительно стереотипизации и дискриминации в отношении индивидов или групп по возрастному критерию. Достаточно продолжительное время существовали различия в интерпретации эйджизма, предполагавшие его определение через различающиеся категории, наиболее распространенными из которых были «предрассудки» и «дискриминация».

Психиатрический, геронтологический генезис и научная локация распространения данного понятия детерминировали изначальный акцент на проблемах пожилых людей, поэтому эйджизм рассматривался либо как предрассудки, предубеждения в отношении пожилых, либо их дискриминация по возрастному признаку. Однако еще сам Р. Батлер интерпретировал «эйджизм», как «...предубеждение одной возрастной группы по отношению к другим возрастным группам» [1, с. 243], что вовсе не предполагало внимания исключительно на проявлениях неравенства в отношении наиболее старших возрастных категорий.

В конечном итоге, в результате научных дискуссий, происходивших в 70-80-е годы XX века выработалось достаточно устойчивое, комплексное и интегральное понимание сущности и структурных компонентов данного понятия. Эйджизм стал рассматриваться как комплексное понятие, относящееся как к пожилым, так и к молодежи, и включающее три измерения или компонента:

- 1) когнитивный компонент (стереотипы и процессы типизации и стереотипизации);
- 2) аффективный или эмоциональный компонент (предрассудки и предубеждения);
- 3) поведенческий компонент (дискриминация по возрастному признаку).

М. Ивасаки и Дж. Джонс приводят следующие примеры данных структурных компонентов: «...эйджизм включает три измерения:

- стереотипы (когнитивный компонент – например, «я считаю, что пожилые люди являются обузой для общества»);
- предубеждение (эмоциональный компонент – например, «мне не нравится общаться с пожилыми людьми»);
- дискриминация (поведенческий компонент – например, «я стараюсь не взаимодействовать с пожилыми людьми») [2, с. 243].

Эйджизм имеет два вида трансфера агрессии и направленности – на другую возрастную группу и на себя. Если в первом случае дискриминация, стереотипизация и негативная эмоциональная реакция затрагивает более старших по возрасту людей или младших, то во втором случае является продуктом неудовлетворенности, рефлексии, самокритики, самоиронии и т.п.

Помимо этого, эйджизм может быть положительным (позитивным) или отрицательным (негативным), а также явным и (осозанным) или неявным, латентным (бессознательным) [3, с. 261].

Методология и методы. В современной психологии и психиатрии эмпирические исследования эйджизма ведутся относительно регулярно, но в большинстве своем они касаются отношения к пожилым. Предпринимались попытки выстроить инструментарий для оценки отношения к другим возрастным группам, который бы носил признаки относительной универсальности и унификации, но большинство из них, так или иначе, касаются отношения представителей младших возрастных категорий к старшим.

Несмотря на накопленную солидную эмпирическую базу существуют проблемы измерения данного явления. Это обусловлено различиями не столько в интерпретации (тут установилось общее понимание не дефиниции, но сути явления), сколько в операционализации этого понятия. Анализ существующих инструментариев показывал, что наблюдается общая нехватка психометрических оценок существующих шкал эйджизма. Так, Л. Аялон и др., на основании систематического сравнительного исследования пришли к выводу о том, что: «Из всех доступных шкал эйджизма только одна соответствовала минимальным требованиям для психометрической валидации, но все еще не охватывала все измерения эйджизма» [4].

Следует также отметить, что заимствование термина эйджизм представителями социально-гуманитарного знания, в частности, социологии,

привело к тому, что стала постепенно исчезать акцентуация исключительно на проблемах дискриминации и негативного отношения к пожилым. И хотя следует признать, что в большинстве своем эмпирические исследования в социологии предполагают все-таки традиционную геронтологическую привязку и коннотацию, но именно благодаря этой науке появляется интерес к дискриминации представителей молодого поколения.

Основной макрофактор появления эйджизма – это генезис и развитие индустриального общества, поэтому основной теорией, описывающей массовизацию проблем возрастного неравенства в социологии, является теория модернизации. Согласно ей, индустриализация и урбанизация ведут к снижению статуса пожилых людей и, как следствие, усилению дискриминации этой возрастной категории. В частности, Д. Коугилл отмечал, что индустриализация, механизация и автоматизация труда – процессы параллельные демографическому переходу, снижению рождаемости, «старению населения». Все эти факторы обуславливают снижение спроса на навыки пожилых людей, а увеличение доли пенсионеров приводит к «кадровому голоду» на рабочие руки молодежи [5, с. 125].

Следовательно, очевидная связь между процессом модернизации и появлением эйджизма может привести к предположению, что по мере «старения населения» и увеличения значимости молодых рабочих рук, проблемы возрастного неравенства будут лишь обостряться.

Однако данный вывод неверен, поскольку не учитывает действие других факторов. М. Норт и С. Фиске, проводившие сравнительные кросс-континентальные исследования старения и возрастной дискриминации, установили, что уровень модернизованности общества коррелирует с относительно положительным отношением к старости [6, с. 983].

Другими смягчающими факторами являются:

- культура и идеология индивидуализма;
- институциональная поддержка пожилых;
- рост уровня образованности населения и др.

В конечном итоге, исследования процессов модернизации Р. Инглхартом и его коллегами явно свидетельствовали о том, что после окончания быстрой индустриализации в модернизированных обществах повышается уровень толерантности и уважения к личности, что отражается на отношении к пожилым даже при интенсификации процесса «старения населения» [7]. Как след-

ствие, эйджизм может вызываться не окончившейся или неудачной модернизацией, а также усиливаться в модернизированных обществах в периоды социально-экономических кризисов.

Д. Абрамс и Д. Хьюстон отмечают один важный, в первую очередь, для развитых стран Запада признак – стигматизация и дискриминация молодежи в большей степени касается принадлежности ее представителей к другим социальным общностям и группам [8]. Молодежь доминирует в возрастной структуре сообществ беженцев и иммигрантов, а также в некоторых уже традиционных этнических диаспорах и религиозных сообществах. Молодые сообщества мигрантов вызывают опасения у представителей титульных этносов, уже завершивших демографический переход, депопулирующих и стареющих.

Эйджизм в отношении подобных общностей формируется значительно быстрее, поскольку физические и культурные отличия быстрее стереотипизируются и стигматизируются. В своем крайнем проявлении это отношение может привести к формированию такого вида эйджизма как «эфебифобия» (ephebiphobia) – боязни молодежи, когда она рассматривается как угроза обществу и личности и подвергается стигматизации и дегуманизации.

В конечном итоге, можно согласиться с мнением К. Братта, Д. Адамса и Х. Свифт: «Борьба с обеими формами эйджизма и поиск способов улучшения межпоколенческой сплоченности и поддержки будут становиться всё более насущными задачами по мере того, как продолжительность жизни увеличивается, а общество становится всё более разнородным по возрасту» [9, с. 1031].

Возрастное измерение социального неравенства и эйджистские установки, идеи и представления имеют объективную природу и детерминируются комплексом очевидных и исследуемых факторов. С другой стороны, возрастная дискриминация – это результат социального конструирования реальности и эйджизм в этом аспекте предстает перед нами как конструкт. Данный аспект выражается и в его интерпретации, к примеру, по мнению Л. Аялон и С. Тэш-Рюма: «Эйджизм – это социальный конструкт старости, который изображает старение и пожилых людей в стереотипном, часто негативном виде» [10, с. 3]. Эта дефиниция эйджизма может быть инверсивно применена и к дискриминации в отношении представителей молодежи, эйджизм может быть представлен как социальный конструкт молодости.

Конструктивистский аспект анализа эйджизма позволяет рассматривать его и как политический конструкт, а также в технологическом измерении – как социально-политическую технологию, использующую дискриминацию по возрастному признаку. Технологическое использование эйджизма в информационных войнах предполагает его проблематизацию в гиперболическом масштабе с использованием негативной лексики, «языка вражды». Хотя данное явление в строго научном понимании затрагивает просто более старшие или младшие группы, тем не менее, акцент в данном случае ставится именно на молодежи и пожилых людях, которые противопоставляются друг другу как социальные общности, имеющие различающиеся интересы, своеобразные «классы для себя», преследующие противоположные цели.

Результаты. Обсуждение.

Опираясь на конструктивистские основания исследовательской методологии, можно дифференцировать «конструирование политического эйджизма» на два основных вектора:

- 1) «конструирование политической старости»;
- 2) «конструирование политической молодости» (в своих крайних формах, скорее даже «политической детскости»).

С позиции акторов информационных войн бесполезным является только конструирование «политической зрелости», поскольку зрелость являет собой качества психологической зрелости, адекватности ситуации, ответственности, лидерства и т.п. Зрелость – это состояние развившегося, зрелого общественного организма, что свидетельствует о норме в большей степени, чем определенная «недоразвитость» детства, подросткового возраста и юности, а также издержки стареющего общества и цивилизации.

Эйджизм используется как один из аспектов построения образа врага в информационной войне, при этом как для стигматизации «молдых», так и «стариков».

Рассмотрим один из видов и векторов подобного использования – конструирование политической старости. Вначале нельзя не упомянуть совершенно логичные представления и предубеждения против политического старения, которые показывают отношение к пожилым людям во власти и являются вполне понятными, исходя из восприятия и понимания возрастных ограничений и проблем. К примеру, Л. Торнстам следующим образом резюмировал данные своих лонгитюдных исследований: «Сравнивая данные современного

исследования (2002 г.) и исследования 1984 года, было обнаружено, что в настоящее время, как и тогда, люди демонстрируют, казалось бы, противоречивые констелляции отношения к пожилым людям. Большая часть респондентов, сейчас, как и тогда, выступает за большее влияние и пространство для группы 65+, в то же время многие считают, что никто в парламенте не должен быть старше 65 лет» [11, с. 54].

Подобные представления господствуют и в отношении образа политического лидера в исследовании М. А. Курочкиной и Н. А. Помеловой среди студенческой молодежи: «На вопрос: «Какого возраста, на Ваш взгляд, должен быть современный российский политический лидер?» – 97 % респондентов ответили: «Не старше 50 лет». И лишь 3 % посчитали, что «чем старше будет политический лидер, тем лучше (мудрее)» [12, с. 246]. Согласно исследованиям А.А. Комаровой, средний возраст идеального политического деятеля, который отметили мужчины, составил 43,5 лет (для 95 %-ного доверительного интервала от 42,5 до 44,5 лет). Женщины отметили оптимальный средний возраст политического деятеля 45,3 лет (для 95%-ного доверительного интервала от 44,4 до 46,2 лет).

По расчетам непараметрического критерия Манна-Уитни (сравнение двух независимых групп) найденные различия являются статистически значимыми ($p=0,018$). Медианный оптимальный возраст политического деятеля у мужчин и женщин совпадает – 45 лет. Как отмечает автор, молодежь представляет политика более молодым, приближенным к ним по возрасту, но компетентным, так как важны наличие профильного образования и опыт работы [13, с. 169].

В информационной войне, использующей восходящий вектор конструирования эйджистского межпоколенческого конфликта, отношения между возрастными категориями редуцируются до этологической модели геронтократии у человекообразных обезьян с жесткой групповой организацией и четкими возрастными рангами. Это та базовая и относительно простая, даже примитивная этологическая модель, которая, однако позволяет выстраивать все более сложные образы и связи.

Мифологизированная архетипическая основа данного политического конструкта представлена в концепции «мифа о вечном возвращении» М. Элиаде. Мифологема «войны молодых против стариков» строится на циклической концепции времени, предполагающей «деградацию исторического времени», накопление системных

ошибок и сбоев, духовно-нравственный регресс и уменьшение жизненных сил общества. Старение выступает в виде общественного застоя, деградации и, в конечном итоге, регресса, влекущего за собой неизбежное приближение цивилизационного эсхатологического события и являющегося его фатальным симптомом. В качестве основного субъекта, виновника этой деградации рассматривается политическая власть, которая стереотипизируется и стигматизируется в терминах возрастной дифференциации как сообщество «стариков», закостенелых, забюрократизированных, тормозящих развитие и новации.

Эйджистский аспект информационной войны предполагает акцентирование на противоречиях между возрастными категориями, которые выстраиваются как антагонисты по отношению друг к другу. То есть, постулируется, что снятие противоречий между ними, якобы, возможно только при победе одной из сторон мнимого антагонистического конфликта. В противоположность «старикам» молодежь выступает в качестве силы общественных изменений, как минимум реформационного характера, но лучше – революционного.

Во времена «Перестройки» в СССР 1985-1991 годов возрастные члены Политбюро ЦК КПСС представлялись олицетворениями устаревшей и мертвящей «власти стариков». Дебюрократизация в забюрократизированной системе конструировалась как борьба с геронтократией, «омоложение кадров», способных «повернуться лицом к народу». Процесс омоложения управленческой системы и господствующих элит отождествлялся с самим течением проводимого социального реформирования. Одним из примеров этого являлся, пришедший к власти, самый молодой член Политбюро М.С. Горбачев.

Социально-политическое измерение информационной войны неизбежно предполагает и культурное, появляются «новые молодые лица» со «своей правдой», сообщества молодых «неформалов» и протестные молодежные субкультуры.

Эта же технология использовалась и используется современной российской оппозицией, конструирующей политическую старость как «власть стариков», которая должна столкнуться с молодежным протестом на улице. В противоположность этим усилиям, политическое руководство РФ ведет свою контригру, которая заключается в активной молодежной и кадровой политике, предполагающей внимание к проблемам молодежи и способам ее социализации в институтах образования, гражданского общества, культуры и спорта,

в сферах как занятости, так и досуга, инфильтрацию молодых кадров в систему управления. Как следствие, активная молодежная политика ведет к определенному омоложению образа самой политической власти, как не боящейся возрастной конкуренции и, более того, активно готовящей себе смену из представителей более молодых категорий.

Конструирование политической старости используется и в качестве ответных действий на внешнем контуре информационной войны, как метод информационного противодействия, контрпропаганды и, в свою очередь, активных наступательных информационно-пропагандистских и информационно-психологических компаний. Так, Ю.Н. Фролова, анализируя тематику проправительственных СМИ, отмечает следующее: «Что касается старости, то это также достаточно часто используемый концепт, однако в основном в негативных смыслах. Кроме этого, характеристики «старости» используются только для описания событий вне Российской Федерации. Поколенческий конфликт представлен в основном в контексте разрыва поколений во властных структурах других стран либо как негативная компонента имиджа оппозиционеров. Такая интерпретация символа возраста, свойственная проправительственному дискурсу, направлена, прежде всего, на легитимацию действующей власти» [14, с. 21].

Заключение.

В процессе модернизации, генезиса и развития индустриального общества: промышленного переворота, индустриализации и урбанизации, наблюдается социально-экономический эффект снижения статуса пожилых людей и, как следствие, усиление дискриминации этой возрастной категории.

Возникший в рамках психиатрического и геронтологического знания термин «эйджизм» входит в тезаурус социологического знания и интерпретируется через взаимосвязь нескольких составляющих:

- 1) когнитивного компонента (стереотипы и процессы типизации и стереотипизации);
- 2) аффективного или эмоционального компонента (предрассудки и предубеждения);
- 3) поведенческого компонента (дискриминация по возрастному признаку).

В рамках конструктивистской методологии, эйджизм выступает как политический конструкт и социально-политическая технология, использующая дискриминацию по возрастному признаку.

Эйджизм в конструктивистском аспекте выступает как политический конструкт возраста (в большей степени старости или молодости), который изображает представителей какой-либо возрастной категории в стереотипическом и негативном образе, что может провоцировать риторическую или поведенческую дискриминацию.

В своем полит-технологическом измерении – эйджизм рассматривается как социально-политическая технология, использующую дискриминацию по возрастному признаку в качестве способа достижения политических целей.

Политическое конструирование возрастного неравенства является одним из методов целенаправленного негативного информационно-пропагандистского воздействия и информационно-психологического давления и входит в арсенал нового вида военных действий в киберпространстве – информационной войны.

«Конструирование политического эйджизма» является собой два наиболее распространенных вида:

- 1) «конструирование политической старости»;
- 2) «конструирование политической молодости».

Конструирование политической старости – это технология информационной войны, в рамках которой происходит акцентуация и гиперболизация противоречий между возрастными категориями.

Имеющаяся политическая иерархия и правящая элита вербализируются и изображаются как забюрократизированная и оторвавшаяся от реальности «власть стариков», которой противопоставляется молодежь как сила развития, обновления общества, политических изменений.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Butler R. N. Ageism: Another form of bigotry // *The gerontologist*. 1969. Т. 9. №. 4, pp. 243-246.
2. Iwasaki M., Jones J. A. Attitudes toward older adults: a reexamination of two major scales // *Gerontology & Geriatrics Education*. 2008. Т. 29. №. 2. pp. 139-157.
3. Levy B. R. et al. Longevity increased by positive self-perceptions of aging // *Journal of personality and social psychology*. 2002. Т. 83. №. 2. pp. 261-273.
4. Ayalon L. et al. A systematic review of existing ageism scales // *Ageing research reviews*. 2019. Т. 54. pp. 100-119.
5. Cowgill D. O. Aging and modernization: A revision of the theory. 1974. 331 p.
6. North M. S., Fiske S. T. An inconvenienced youth? Ageism and its potential intergenerational roots // *Psychological bulletin*. 2012. Т. 138. №. 5. pp. 982-997.
7. Inglehart R. *Rising tide: Gender equality and cultural change around the world*. Cambridge University Press, 2003. 226 p.
8. Abrams D., Houston D. M. A profile of prejudice in Britain: Report of the national survey. *The Equalities Review*. 2006. 105 p.
9. Bratt C., Abrams D., & Swift H. J. Supporting the old but neglecting the young? The two faces of ageism // *Developmental Psychology*, 56 (5), 2020. pp. 1029–1039.
10. Ayalon L., Tesch-Römer C. Introduction to the section: Ageism – Concept and origins / *Contemporary perspectives on ageism*. 2018. pp. 1-10.
11. Tornstam L. The complexity of ageism. A proposed typology // *International Journal of Ageing and Later Life*. 2006. Т. 1. №. 1. pp. 43-68.
12. Курочкина М. А., Помелова Н. А. Образ современной политической элиты в сознании студенческой молодежи // *Вестник МГУ*. 2011. № 3. С. 245-247.
13. Комарова А. А. Образ идеального политика в сознании российской молодежи // *Вестник ГУУ*. 2021. № 6. С. 166-171.
14. Фролова Ю. Н. Образ возраста как инструмент политического маркетинга: анализ российских проправительственных СМИ // *Комплексные исследования детства*. 2021. № 1. С. 13-22.

References:

1. Butler R. N. Ageism: Another form of bigotry // *The gerontologist*. 1969. Т. 9. №. 4, pp. 243-246.
2. Iwasaki M., Jones J. A. Attitudes toward older adults: a reexamination of two major scales // *Gerontology & Geriatrics Education*. 2008. Т. 29. №. 2. pp. 139-157.
3. Levy B. R. et al. Longevity increased by positive self-perceptions of aging // *Journal of personality and social psychology*. 2002. Т. 83. №. 2. pp. 261-273.
4. Ayalon L. et al. A systematic review of existing ageism scales // *Ageing research reviews*. 2019. Т. 54. pp. 100-119.
5. Cowgill D. O. Aging and modernization: A revision of the theory. 1974. 331 p.

6. North M. S., Fiske S. T. *An inconvenienced youth? Ageism and its potential intergenerational roots // Psychological bulletin.* 2012. Т. 138. №. 5. pp. 982-997.
7. Inglehart R. *Rising tide: Gender equality and cultural change around the world.* Cambridge University Press, 2003. 226 p.
8. Abrams D., Houston D. M. *A profile of prejudice in Britain: Report of the national survey. The Equalities Review.* 2006. 105 p.
9. Bratt C., Abrams D., & Swift H. J. *Supporting the old but neglecting the young? The two faces of ageism // Developmental Psychology,* 56 (5), 2020. pp. 1029–1039.
10. Ayalon L., Tesch-Römer C. *Introduction to the section: Ageism – Concept and origins / Contemporary perspectives on ageism.* 2018. pp. 1-10.
11. Tornstam L. *The complexity of ageism. A proposed typology // International Journal of Ageing and Later Life.* 2006. Т. 1. №. 1. pp. 43-68.
12. Kurochkina M. A., Pomelova N. A. *The image of the modern political elite in the minds of students // Bulletin of Moscow State University.* 2011. № 3. pp. 245-247.
13. Komarova A. A. *The image of an ideal politician in the minds of Russian youth // Bulletin of GUU.* 2021. № 6. pp. 166-171.
14. Frolova Yu. N. *The image of age as a tool of political marketing: an analysis of Russian pro-government media // Comprehensive studies of childhood.* 2021. № 1. pp. 13-22.

Информация об авторах:

Лушников Дмитрий Александрович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальных инноваций, Северо-Кавказский федеральный университет, keremet2000@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0352-4662

Долгополов Кирилл Андреевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Северо-Кавказский федеральный университет, ORCID: 0000-0003-4496-1789

Кузнецова Оксана Николаевна, доцент кафедры государственного, муниципального управления и экономики труда, Северо-Кавказский федеральный университет, okuznetcova@ncfu.ru, ORCID: 0009-0007-6949-8491

Dmitry A. Lushnikov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology and Social Innovation, North Caucasus Federal University.

Kirill A. Dolgopolov, Candidate of Law, Associate Professor,

Head of the Department of Criminal Law and Procedure, North Caucasus Federal University.

Oksana N. Kuznetsova, Associate Professor of the Department of State, Municipal Management and Labor Economics, North Caucasus Federal University.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.02.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.03.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.